

РАССКАЗЫ

ВЗРЫВ МОЗГА

Девушка в кожаных шортиках и коротком топике из последних сил бежала по выщербленному асфальту. Девушку звали Кристина. Грязно-белый туман скрадывал неряшливые очертания урбанистических строений по обеим сторонам улицы. Внезапный порыв ветра взъерошил девушке волосы, прогнал по асфальту обрывки газет, окурки и полиэтиленовые пакеты и, просвистев дальше, вырвал клоч тумана, обнажив красную телефонную будку с побитыми стеклами. Кристина поправила лямки рюкзака и со всех ног припустила к будке. Не добежав до телефона метров десяти, она резко остановилась, настороженно всматриваясь в туман. Она явно чего-то боялась. Помедлив секунды две, девушка собралась с духом и медленно двинулась вперед.

Ей оставалось сделать всего пару шагов, когда раздался хруст битого стекла и из-за будки, пошатываясь, выступила *тварь*. Тварь была скроена из двух пар человеческих конечностей: ниже бедер — волосатые мужские ноги, а выше — тоже ноги, только женские. С этих последних кожа была ободрана, мышцы и сухожилия обнажены, зато ступни украшали туфельки с каблуками-шипильками. В том месте, где все четыре ноги срастались друг с дружкой, угрожающе зияла дыра зубастого сфинктера. Тварь двинулась вперед, лихорадочно зондируя пространство верхними конечностями.

Создание было явно слепо, а вот способно ли оно слышать? Кристина засомневалась. Поэтому на всякий случай замерла и задержала дыхание. Тварь чуть помедлила, но уже в следующее мгновение уверенно ринулась на Кристину, целясь в нее острыми каблуками. Девушка взвизгнула и бросилась прочь. Четырехногий монстр, прихрамывая, заковылял следом.

Кристине почти удалось оторваться, как ей наперерез из тумана выпрыгнул гигантский пес с окровавленной пастью и белыми, точно вареные яйца, глазами. Девушка ловко отскочила в сторону, но, к несчастью, прямо на использованный кондом; взбрыкнув в воздухе ногами, она со всего маху шлепнулась на спину. Белоглазый тут же вцепился ей в левую лодыжку. Кристина принялась с остервенением пинать его правой ногой. Тяжелый армейский ботинок моментально превратил собачью морду в кровавое месиво, и пес с недовольным рычанием выпустил добычу. Но тут сзади подо-

Александр Юдин родился в 1965 году. Публиковался в журналах «Изящная словесность», «Полдень XXI век», «Полдень» (Санкт-Петербург), «Дон» (Ростов-на-Дону), «Бельские просторы» (Уфа), «Север» (Петрозаводск), «Сура» (Пенза), «Нижний Новгород», «Земляки», (Нижний Новгород), «Менестрель» (Омск), «Юность», «Знание-сила: Фантастика», «Наука и жизнь», «Искатель», «Мир искателя», «Наука и религия», «Тайны и загадки», «Все загадки мира», «Ступени», «Хулиган» (Москва), «Шалтай-Болтай» (Волгоград), «Космопорт» (Минск), «Уральский следопыт» (Екатеринбург), «Слово/Word» (США) и др., а также в сборниках «Настоящая фантастика-2010», «Настоящая фантастика-2011» («Эксмо»), «Самая страшная книга-2014» («АСТ») и др. Автор романов «Пасынки бога» («Эксмо», 2009) и «Золотой лингам» («Вече», 2012, в соавторстве с С. Юдиным).

спел Четырехногий и, опершись на все четыре конечности, навис над Кристиной. Она попыталась вскочить и угодила головой в зубастую дыру монстра. Раздался отвратительный хруст.

* * *

— Бли-ин! — воскликнула Кристина и в раздражении отпихнула от себя клавиатуру. — Достало! И почему сохраниться, блин, можно только у телефонов-автоматов?

— Моя очередь. Давай, — произнес стоявший за ее спиной брат — подросток лет пятнадцати со снулыми рыбьими глазами.

— Да подожди ты, — отмахнулась девушка.

— Давай. Моя очередь, — повторил парень.

— Ну, Бо-орь! У меня еще одна жизнь, блин, осталась.

— Нет, — ответил тот. Левой рукой он схватил сестру за волосы, а правой полоснул ей по горлу канцелярским ножом.

Девушка забулькала, судорожно хватая ртом воздух и пуская розовые пузыри. Борис молча спихнул сестру с кресла, сел на ее место и стремительно заработал мышью.

В дверь комнаты постучали. Подросток никак не отреагировал, продолжая давить на клавиши и щелкать мышью. Стук повторился, дверь приоткрылась, и в комнату заглянула женщина с озабоченным усталым лицом.

— Идите ужинать, — сказала она, близоруко всматриваясь в полумрак помещения. — А где Крестя?

— У нее здоровье кончилось, — не отрывая глаз от монитора, заявил Борис и ткнул пальцем вниз и в сторону.

Посмотрев на пол, женщина сунула в рот кулаки и пронзительно завизжала.

* * *

Пузатый мужик в растянутых трениках и застиранном тельнике убавил звук телевизора.

— Отстой, — поморщился он. — С самого начала все понятно. Нашли чем удивить: идиот брат зарезал сестренку-дебилку за то, что та не уступила ему комп... Туфта галимая, ексель-моксель!

Он запрокинул голову и вылил в себя остатки пива из бутылки, потряс ее, посмотрел на свет и со вздохом поставил на пол.

— Нина! — позвал он. — Пивка мне еще принеси. Из холодильника... Нинка! Оглохла, что ли? Пива, говорю, принеси!

Минут через пять в комнату вошла женщина в цветастом халате, молча протянула мужу открытую бутылку и замерла, сложив красные, натруженные руки на засаленном переднике.

— Наконец-то, — проворчал пузан. — Я уж думал, ты там померла, ексель-моксель...

Он сделал большой глоток и поперхнулся.

— Эк... екс... й-окс... — удивленно заикал он.

Неожиданно глаза вылезли у него из орбит, а бутылка выскользнула из ослабевших пальцев. Толстяк широко разинул рот, сясь то ли закричать, то ли сказать что-то. Но вместо слов изо рта у него вырвались придушенный хрип и какой-то желтоватый дымок. Он с ужасом уставился на супругу.

— М-м-моооксель... — промычал он, царапая руками выпирающее из-под тельняшки пузо.

— Все кишки мне выел, алкаш проклятый, — ровным, безжизненным голосом заметила женщина.

Толстяк сделал отчаянную попытку встать с дивана, но тут брюхо у него лопнуло, и на ковер хлынула зеленая жижа.

* * *

— И это они называют хоррором? — не то хихикает, не то всхлипывает мужчина. — Брат зарезал сестру, жена отравила мужа, хи-хи-хи-хи! Если вы хотели меня насмешить, поздравляю — вам это удалось, хи-хи...

Несмотря на такое заявление, из глаз мужчины безостановочно текут слезы. Сморгнуть их он не может, как, впрочем, не может даже закрыть глаза — этому препятствует специальное, надетое ему на лицо устройство с векодержателями. Сам он тоже накрепко зафиксирован в кресле, похожем на гинекологическое, так, что не в состоянии пошевелить ни рукой, ни ногой. Кресло снабжено моче- и калоприемниками. Тем временем титры на расположенном перед ним экране возвещают о начале нового фильма. Мужчина хихикает и плачет, хихикает и плачет...

Два человека в белых халатах — один среднего возраста с окладистой каштановой бородкой и второй пожилой, в огромных бифокальных очках с диоптриями — внимательно наблюдают за мужчиной в кресле через стеклянную, прозрачную с их стороны стену.

— А вы убеждены, профессор, — спрашивает бородач, — что ваш метод поможет вернуть этому бедолаге душевное здоровье?

— Понятия не имею, — пожимает плечами очкастый профессор. — Тем паче он и так абсолютно здоров... Точнее, был здоров, когда поступил ко мне.

Бородач, округлив глаза, долго смотрит на собеседника.

— Ну, знаете, профессор! — взрывается он. — Это... эт-то... — Он буквально захлебывается от возмущения. — Вы просто безумный старик! Я этого так не оставлю... Ни в какие рамки! Я сейчас же, немедленно...

Бородач решительно разворачивается и направляется к выходу. Профессор семечит следом. Когда бородач подходит к двери и притормаживает, чтобы ее отворить, профессор опускает руку в боковой карман своего халата, вытаскивает оттуда шприц и резким отработанным движением вонзает иглу в бедро бородача. Тот, удивленно вскрикнув, падает как подкошенный.

Профессор склоняется над упавшим, щупает ему пульс, оттягивает веко и бормочет:

— Ничего, ничего, голубчик... Все образуется. Для начала испробуем классику: поставим вам парочку «Восставших из ада», «Пятницу 13» и старую добрую «Техасскую резню бензопилой»... Да, «Резню» непременно! А «Кошмар на улице Вязов»? Пожалуй, не стоит... Если не увидим эффекта, применим атаку актуальными средствами... «Пила 3D», «Астрал», «Вместилище кошмаров», «Еда» — в равных пропорциях. Потом — «Страх сцены» и «Я плюю на ваши могилы», ремейк, разумеется... О! Вы еще, голубчик, от счастья писаться станете!

* * *

Переполненный зал взрывается аплодисментами. На сцену выходит ведущий в сиреневом с искрой костюме.

— Дамы и господа! — восклицает он. — Вы только что посмотрели фильм «Зловещая хрень» молодого, но дьявольски талантливого режиссера Павла Лаврина. Наде-

юсь, вы получили такое же удовольствие от просмотра, как и ваш покорный слуга. — Ведущий галантно раскланивается, зал аплодирует. — А теперь давайте попросим к нам автора этого неординарного и, не побоюсь заявить, знакового творения. Ита-ак... Павел! Лаврин!! Встречайте!!!

Зал вновь аплодирует, а на сцену взбегают молодой человек в потертых джинсах, с гладко выбритой головой, татуированной языками пламени.

— Павел, красота ты моя, — обращается к нему ведущий, — Расскажи-ка нам, что для тебя самого значит «Зловещая хрень»?

— Н-ну... фильм этот во многом этапный для моего творчества... — начинает режиссер.

— Как тонко подмечено! — прерывает ведущий. — Несомненно, этапный! А вот еще вопрос, которым наверняка задаются многие зрители: персонажи твоего фильма, кто они?

— Люди, — уверенно отвечает Павел.

— Это понятно. Но кто на самом деле скрывается за образами геймерши, ее отможенного брата, толстяка-телезрителя, его жены-отравительницы, сумасшедшего профессора?

— Н-ну... дело в том, что «Зловещая хрень» — многоплановый фильм; он содержит в себе сложную семиотическую систему знаков и символов...

— Замечательно! — снова прерывает его ведущий. — Просто замечательно. А верно ли я уловил основную идею картины: пагубное воздействие на мозг Интернета и телевидения?

— Бред! На самом деле...

— Так я и думал. Тогда Расскажи нам лучше, э-мм... расскажите-ка... Вот что! К какому субжанру, точнее, направлению ты относишь свою «Зловещую хрень»? Постой, постой! Дай угадаю: есть в нем и сюр, и эстетический эклектизм... Постмодерн, верно?

— Какой еще постмодерн? — хмурится Павел.

— Нуар? — делает вторую попытку ведущий.

— Это сплаттерпанк, — с ноткой раздражения в голосе поясняет режиссер.

— Сплаттерпанк, разумеется, сплаттерпанк, — легко соглашается ведущий. — Я знал, просто забыл. Нелинейность повествования, мрачный, асоциальный посыл — натуральный сплаттерпанк! В любом случае твой фильм — веховое явление в нашем российском кино.

Режиссер пожимает плечами и скромно улыбается.

— Свежее слово в отечественной кинематографии, — продолжает ведущий.

Улыбка режиссера становится шире. Он разводит руками и делает нечто вроде книксена.

— Хотя почему только отечественной? — не унимается ведущий. — Мировой кинематографии!

Павел Лаврин расплывается от уха до уха.

— Твой фильм — это настоящий... настоящий... взрыв мозга!

Улыбка режиссера моментально гаснет. Он бросает на ведущего испуганный взгляд и переспрашивает:

— Ч-что?

— Взрыв мозга! — четко артикулируя слова, с расстановкой повторяет ведущий.

Режиссер отшатывается и в панике обшаривает глазами неожиданно притихший зал. Ведущий молча — внимательно и жадно — смотрит на Павла. То же жадное предвкушение ощущается во взглядах зрителей: разряженных, женоподобных мужчин и женщин с мертвенно-ботэксными лицами. Все они чего-то напряженно ждут.

Лаврин проводит вспотевшими ладонями по своей татуированной голове и чувствует, как та стремительно увеличивается в размерах, вспучиваясь огромными волдырями, будто забродившее тесто.

— Мм-му-у-у... — пытается что-то сказать Павел Лаврин. Но не успевает.

Раздается громкий, сочный хлопок — голова режиссера взрывается, и во все стороны шrapнелю летят бело-розовые куски его мозга. Ведущий и зрители ловят их в воздухе, подбирают с пола и жадно суют в рот. Единственный звук, который теперь слышен в зале, — это влажное чавканье, чавканье, чавканье...

ПАРАЗИТ

Как-то раз Иван Яковлевич, москвич пятидесяти с хвостиком лет, возвратившись воскресным вечером с дачи и переодевшись в домашнее, уютно устроился в кресле напротив телевизора. Прихлебывая крепкий ароматный чай, заедая его белёвской пастилой, он рассеянно внимал ведущему новостной программы. Однако ни чай, ни напряженная мировая обстановка не могли побороть его дремоты — сказывалась усталость после дачного отдыха.

Иван Яковлевич широко зевнул, лениво почесал грудь и нахмурился: под правым соском пальцы нащупали нечто постороннее. Хмыкнув, он прошел в ванную и посмотрелся в зеркало. Так и есть, на правой грудной мышце виднелась какая-то крохотная — не больше булавочной головки — черная точка. Родинка, что ли? Так вроде раньше не было. Кольнула неприятная догадка: уж не подцепил ли он на подмосковном пленэре клеща?

Вернувшись в гостиную, Иван Яковлевич взял с полки, где стояли альбомы с коллекцией марок, лупу с подсветкой и попытался как следует изучить новообразование. Да, весьма похоже, что это и впрямь клещ. Но полной уверенности не было, уж очень малюсенькая штучка, даже с увеличением толком не разобрать. Иван Яковлевич бросил взгляд на часы: половина одиннадцатого, значит, ехать в медучреждение наверняка поздно. Ладно, придется до утра отложить, тем более, может, это никакой и не клещ.

Перед сном Иван Яковлевич на всякий случай ознакомился в Интернете с различными способами самостоятельного избавления от клещей, заодно почитал кое-что и о самом паразите. Оказалось, что клещи не насекомые, как он до сих пор полагал, а членистоногие паукообразные, к тому же одни из древнейших обитателей нашей планеты. Сменялись эры, эпохи и периоды, появились и вымерли динозавры, на смену всемирным оледенениям приходили глобальные потепления, а клещи спокойненько продолжали существовать, невзирая ни на какие космические, геологические и климатические катаклизмы. Еще он выяснил, что хищные кровососущие клещи способны обходиться без пищи по многу лет кряду. Зато впивавшись в жертву, проявляют чудеса прожорливости, увеличиваясь в размерах в сотни раз. «Прелюбопытные, однако ж, твари», — подумал он, засыпая.

Сон его был беспокойным. Сначала полночи блуждал он в некоем первобытном лесу, влажном и душливом, среди древовидных хвоец и папоротников, а вокруг кишели самые невообразимые создания: стремительно металась какие-то гигантские сколопендры, перли напролом похожие на броневики мокрицы, важно ползали жирные многоцветные гусеницы, с жестяным скрежетом бегали и летали рогатые, носатые и усатые жуки, размерами не уступающие грузовикам; и все они друг дружку беспрестанно жрали, жрали, жрали... Потом привиделось ему, что на кассе в «Пятерочке» полез он за бумажником, а вместо того вытащил из кармана полную пригоршню не то блох, не

то паучков. Попытался он их стряхнуть, да не тут-то было: те полезли ему в рукав, проворно расплзаясь по телу. Кассирша же, увидав его замешательство, засмеялась ехидно и говорит: «А вы слижите их, слижите! Они очень калорийные — чистый белок».

Утром всякие сомнения в истинной природе его новообразования отпали. Черная точка раздулась в шарик, и стало видно, что это сегментированное тельце кровососа; даже малюсенькие лапки при некотором старании можно было обнаружить.

Накануне Иван Яковлевич выяснил, что клеща следует залить одеколоном или другой спиртосодержащей жидкостью, тогда он засохнет и сам отвалится. Или аккуратно выкрутить пинцетом. Последний способ, пожалуй, надежнее, решил он. Однако взяв пинцет, понял, что действовать придется левой рукой, что неудобно и есть риск оставить головку в теле. Тогда Иван Яковлевич обильно смочил ватный тампон лосьоном после бритья, но неожиданно замешкался.

Душу его посетило какое-то трудноопределимое чувство... сродни жалости, что ли? Клещ был таким беззащитным, таким махоньким, пухленьким... Ну пососет чуток крови, от Ивана Яковлевича не убудет. Это были странные и для него, в общем-то, чужеродные ощущения, поскольку до сей поры он за собой никаких симпатий к паукообразным, тем более к паразитам, не замечал.

А с другой стороны, если рассуждать здраво, стоит ли заниматься самолечением? Не лучше ль в обед или после работы зайти в травмпункт, где ему надежно и профессионально удалят членистоногого друга, заодно на исследование пошлют — мало ли что? Вдруг он разносчик какой-нибудь жуткой инфекции? Он выбросил тампон в мусорное ведро, оделся и пошел на работу.

Понедельник в их офисе выдался таким суматошным, что Иван Яковлевич и думать забыл про своего клеща, а вспомнил только дома, под душем. Клещ за день изрядно подрос и походил теперь на крупную виноградину сорта «дамские пальчики». Как такого самому вытащить? Еще лопнет! Иван Яковлевич вздохнул и твердо пообещал себе, что завтра прямо с самого утра отправится к доктору.

Ночью Ивану Яковлевичу приснился чудной сон. Будто бы сидит он за столом на кухне и играет в шахматы. Вообще-то, он любил это дело, но, как человек бессемейный, обыкновенно играл сам с собою. А на сей раз у него имелся соперник. И соперником этим был клещ!

Впрочем, во сне особенного удивления у Ивана Яковлевича эта казусная ситуация не вызвала. Тем паче вдвоем-то играть куда интереснее, да и клещ оказался замечательным собеседником и неплохим игроком. Уже в дебюте он захватил своими пешками центр доски, быстро и грамотно ввел в бой легкие фигуры, при этом надежно укрыв от атак короля.

— Как вы вообще играете? — полюбопытствовал Иван Яковлевич. — У вас же глаз нет.

— Зато нюх исключительный, — объяснил клещ, выводя коня на F6.

— Да, но у вас же, простите, и мозгов нет, — ставя слона на G5, засомневался Иван Яковлевич.

— Они мне без надобности, — хмыкнул клещ. — Все, что нужно, я нюхом чую. Запомни, братан: главное в любом деле — хороший нюх.

— Не могу с вами согласиться, — возразил Иван Яковлевич. — А как же ум, интеллект? Интеллект — вещь полезная, даже необходимая. И в жизни, и в бизнесе, и...

— Ой, ща лопну! — заржал клещ, хватаясь за бока. — И сильно он тебе помог, интеллект-то? Как любит выражаться твой шеф Зариф Алиханович: если ты такой умный, пачему такой бэдный? Верно цитирую? Когда на то пошло, в бизнесе интеллект вовсе не нужен.

— Как так? — поразился Иван Яковлевич. При этом тот факт, что клещ знаком с его шефом, Ивана Яковлевича абсолютно не смутил.

— А вот так. Вспомни хотя бы девяностые годы, эпоху, так сказать, первоначального накопления капитала. У любого владельца палатки с шаурмой на Москворецком рынке денег в карманах шуршало больше, чем у дюжины профессоров МГУ. А шаурмен этот слово «брат» с двумя ошибками писал. Скажешь, нет? Если хочешь знать, для успеха в бизнесе потребны лишь три качества, и интеллект в их число не входит.

— Ну-ка, ну-ка, — заинтересовался Иван Яковлевич, разменивая свою ладью на слона и пешку противника, — какие же это качества?

— Хитрость, жадность и беспринципность — вот какие, — пояснил клещ, в свой черед отдавая коня за три пешки.

— И только? — недоверчиво уточнил Иван Яковлевич.

— Не переживай, — махнул одной из восьми лапок клещ, — ты ими не обладаешь. Вот я бы преуспел в бизнесе, у меня этих качеств в избытке, поболее чем у твоего Алихановича.

— Так уж и преуспели бы? — усомнился Иван Яковлевич.

— Сто пудов, — подтвердил собеседник.

— И какова же, позвольте полюбопытствовать, ваша стратегия? Изначальный бизнес-план? Вы уже думали об этом?

— Думать мне, как ты верно подметил, нечем. Да и незачем. А стратегия самая простая. Перво-наперво я обескровил бы всех конкурентов, высосал бы их насухо. Потом и своих сотрудников отжал бы как следует — зажрались, обнаглели, что характерно. А уж опосля за прочий народец принялся.

— Ого! — не сдержал иронии Иван Яковлевич. — Да у вас, я сморю, государственный размах.

— Что есть, то есть, — скромно кивнул клещ. — А с согражданами твоими надо что-то делать, согласишься. Уж очень архаичны, прошлым веком живут. Ведь главный двигатель прогресса — индивидуализм. Нужно под себя грести, вот так, вот так! — наглядно продемонстрировал он, энергично загребая всеми восемью лапками. — А в вашем менталитете по-прежнему община главнее индивида. Куда это годится? Это все пережитки и родимые пятна. Да, да! Надо от них избавляться. Да ко всему — лень, неповоротливость, консерватизм. Предприимчивости и здоровой алчности не хватает вашему брату. Полагаю, это происходит от полнокровия. — Клещ причмокнул. — Ну, эту беду я бы живо поправил... Э-эх, уж я бы вам отладил экономическую модель!

— А какой, интересно узнать, вид бизнеса вас привлекает более всего? — уточнил Иван Яковлевич, делая рокировку.

— Я бы в любом преуспел, — важно заявил клещ. — Могу госимуществом управлять, могу руководить финансами или энергетикой рулить. Все могу. Я всемогущий! Но ближе всего мне, ввиду собственной микроскопичности, нанотехнологии... Шах и мат тебе!

Разбудил Ивана Яковлевича звонок с работы. Дело было срочным, так что он, даже не позавтракав, вызвал такси и помчался в офис. Весь день прошел в такой кутерьме, что и чаю некогда попить — какой там клещ! Вернувшись поздно вечером домой, Иван Яковлевич обнаружил, что сожитель его разросся уже до размеров спелой груши. Но — странное дело — никакого страха и даже особенного беспокойства Иван Яковлевич в этой связи не испытал. Да и какого-либо отвращения к насосавшемуся паукообразному — тоже. Клещ теперь вызывал у него... уважение, что ли. И еще чувства, сходные с умилением — почти материнские.

Утром следующего дня на работу Иван Яковлевич не пошел, сказавшись по телефону больным. Он уже с немалым трудом мог добраться до туалета — приходилось

в буквальном смысле тащить на себе клеща, весившего к тому времени килограммов пятнадцать. Сам же Иван Яковлевич, напротив, заметно сдал: осунулся, похудел, весь как-то высох... Сознание его то и дело туманилось; осталось одно желание — спать, спать, спать...

Утром третьего дня *он* поднялся с постели, бодро просеменил в ванную и, обильно смочив ватный тампон лосьоном, прижег совсем уже усохшего Ивана Яковлевича. Тот, пару раз дрыгнув конечностями, свалился в раковину. Он брезгливо взял его за ножку, отнес в туалет, опустил в унитаз и смыл. Сам же облачился в деловой костюм Ивана Яковлевича и отправился в офис.

ЛЕГКИЙ СПОСОБ

В кабинете сидят двое: человек лет тридцати в строгом деловом костюме — за столом, а напротив него, в низком кресле — мужчина под пятьдесят с помятым лицом и блуждающим взглядом; последний явно нервничает.

Человек в костюме некоторое время пристально смотрит на посетителя, а потом произносит:

— Вы слишком напряжены, Владимир. Расслабьтесь.

— Ладно, — кивает Владимир. — А вас, простите...

— Зовите меня доктором. Полагаю, так будет правильно.

— Как скажете.

— Поверьте, все будет хорошо, — убеждает его доктор. — Я использую многократно проверенную методику Каррена Алла. Это самый легкий способ избавиться от зависимости.

— Угу.

Доктор выкладывает на стол пачку сигарет и коробку сигар, аккуратно расставляет — коробку слева, пачку справа. Пациент наблюдает за этими манипуляциями с недоумением и тревогой.

— Скажите, Владимир, — продолжает доктор, — вы сознательно решили расстаться с этой мерзкой привычкой?

— Да.

— И это действительно *ваше* решение?

— Абсолютно.

— Что ж, уже неплохо, — кивает доктор. — А с какого возраста вы пристрастились?

— С пятнадцати лет.

— М-да... А помните, кто предложил вам попробовать?

— Первый раз? Отец.

— Родной отец? — поднимает брови доктор, неодобрительно качая головой.

— Поймите правильно, в те времена это не считалось особым пороком. Даже напротив, свидетельствовало о том, что юноша повзрослел, стал, так сказать, самостоятельным...

— Не стоит оправдывать то, что недостойно оправдания, — останавливает его доктор. — Главное, сейчас вы полны решимости перестать наконец кормить это маленькое чудовище. Давайте так, для наглядности, назовем вашу зависимость.

— Ну не такое уж и маленькое, — замечает Владимир, бросив рассеянный взгляд на коробку с сигарами.

— Конечно, — соглашается доктор, — тут все зависит от толщины кошелька и личных пристрастий. Хорошо, пусть будет просто «чудовище». Но согласитесь, это имен-

но чудовище. И оно просит, чтобы его регулярно кормили! Буквально требует: «Покорми меня! Покорми меня!» — Последние слова доктор произносит противным, визгливым голосом капризного ребенка. — А что вы получаете взамен? Задумывались над этим? Постоянный ущерб здоровью, как своему, так и окружающих. Риск в любой момент оказаться прикованным к больничной койке. Возможно, навсегда. И наконец, просто умереть, не дожив до старости! Согласны?

— Согласен, — неуверенно кивает Владимир.

— А раз так, почему вы не бросили раньше? — резко спрашивает доктор, подавшись вперед. Теперь он угрожающе нависает над пациентом. — Отчего столько лет потакаете этому чудовищу? Можете назвать причины? Я слушаю, давайте! Давайте!

— Ну, понимаете, — начинает Владимир, — жизнь в городе — сплошной стресс. Да и работа у меня нервная. А эта привычка...

— Зависимость, — поправляет доктор. — И мы договорились именовать ее чудовищем.

— Да, да. Так вот с ним я чувствую себя как-то комфортнее, спокойнее, защищеннее даже. Особенно в таком мегаполисе, как Москва. И, наоборот, без этого дела вскоре начинаю нервничать, испытывать тревогу, дискомфорт. А то и вовсе впадаю в депрессию... Как-то так.

— А удовольствие от самого процесса испытываете?

— Бывает, — после легкой заминки признается Владимир.

— Все правильно, — улыбается доктор. — А теперь слушайте внимательно. Сейчас я вас удивлю. Все, что вы перечислили: и чувство защищенности, и комфорт, и приятные ощущения — все это лишь иллюзия. Да, да! Реальны только психо- и физиологические неудобства, которые возникают при длительном воздержании. Потому как это симптомы обычного абстинентного синдрома. Или ломки.

— Но позвольте, доктор...

— Не позволю! Вы хотите избавиться от своей зависимости? Так? А раз так, не перебивайте и верьте всему, что я вам говорю. Иначе эффекта не будет. Припомните-ка, разве до того, как заработать свою зависимость, вы чаще, чем сегодня, раздражались, впадали в депрессию? И наоборот, неужели с тех пор, как вы превратились в раба привычки, невротические состояния сделались более редкими? Вот видите! Разумеется, нет! Так вот, на самом деле, потакая вашему чудовищу, вы никоим образом не защищаете себя от стрессов. И удовольствия тоже никакого не испытываете. Вместо этого вы просто снимаете неприятные ощущения, вызванные ломкой. Отсюда — ложное чувство комфорта и все прочее. То есть практически всякий раз вы приходите в норму. Улавливаете? В норму! Иначе говоря, возвращаетесь в то состояние, в котором нормальный, здоровый человек, не подверженный этому вредному, пагубному пристрастию, пребывает постоянно. Согласны? Согласны?! Ну-ка, в глаза мне, в глаза! Да или нет? Нет или да?!

— Д-да.

— Вот и славно. Теперь добавим немного мотивации, дабы закрепить результат. Вы наверняка почувствовали, что в последние годы отношение общества к вам и вам подобным кардинально поменялось. Вместо терпимости, индифферентности, а порой и снисходительного одобрения — резкое повсеместное осуждение. А то и обструкция. Сегодня это не просто дурной тон. Сегодня это асоциальное поведение. А в публичных местах и вовсе — административное правонарушение. И подобная государственная политика — политика нажима и давления — будет только усиливаться. Скоро уже не останется мест, где бы вы смогли открыто предаться своему пороку. Во всяком случае, в городах и вблизи населенных пунктов. Что вы будете делать тогда? Уверяю вас,

пройдет совсем немного времени, и безнаказанно отравлять воздух вы сможете разве что где-нибудь за городом, в пустынной местности. А оно вам надо? Стоит ли ваше чудовище подобных жертв? Подумайте над этим.

Владимир задумывается. В памяти послушно оживают картинки: косые взгляды сослуживцев, соседей по дому и просто прохожих. Он вспоминает, как при его приближении мамыши в ужасе спешат закрыть лица своих детей платочками или марлевыми повязками. Припоминается ему и недавнее выступление какой-то пучеглазой, похожей на рассерженную осу депутатки от «Конкретной России». Как она тогда говорила? «Мы добьемся, чтобы рабы этой гадкой привычки повсеместно чувствовали себя гражданами второго сорта. Изгоями! Их не станут принимать на работу. На них начнут смотреть как на латентных убийц. И это справедливо! Ведь, по сути, они преступники. Они рискуют не только своими жизнями, но и постоянно, ежеминутно гребят наше здоровье! Почему мы это должны терпеть? Почему остальные обязаны по их милости дышать этой гадостью?!»

— Давайте смотреть правде в глаза, — продолжает доктор, — эта пагуба отнимает ваше время, деньги, подвергает риску вашу жизнь и крадет здоровье окружающих. Известно ли вам, сколько людей в России ежегодно гибнет от, образно говоря, лап чудовища, которому вы верно служите? Я вам скажу: тридцать четыре тысячи! И еще триста тысяч остаются по вине этого порока инвалидами. Причем половина из них — невинные, пассивные жертвы. А в масштабах всего мира эта цифра приближается к полутору миллионам. Вдумайтесь в эти цифры. Ведь это же геноцид! А вы — его орудие. Ладно бы вы рисковали только своим здоровьем, так нет, вы подвергаете смертельному риску жизни тысяч и тысяч других людей, не страдающих такой зависимостью. Дети, старики, беременные женщины. Чем они провинились перед вами?

— Довольно, доктор! — просит Владимир, утирая пот со лба. — Я все понял. Осознал. Проникся. И готов завязать. Навсегда!

— Отрадно слышать, — кивает доктор. — Что ж, сдавайте ключи от вашего чудовища. Кстати, какой оно у вас марки?

— Джип «гранд чероки», — отвечает Владимир, дрожащей рукой протягивая ключи зажигания.

— Я лично прослежу, чтобы уже сегодня ваш «гранд чероки» пошел под пресс, — заверяет доктор. — Вот увидите, совсем скоро вы ощутите, что стали свободнее. Теперь не надо тратить деньги на бензин и ремонт, терять время на парковку и стояние в пробках, наконец, волноваться, что кто-то угонит вашего монстра. Свобода! Кроме того, вы избавитесь от иссушающего чувства вины. Ведь в выхлопах вашего джипа — вся таблица Менделеева. И альдегиды всякие с оксидами, и бензпирен, и сажа... Настоящая нацистская душегубка!

— Так-то оно так, — вздыхает Владимир. — Одна беда — от общественного транспорта я изрядно поотвык за эти годы.

— Это беда небольшая! Вы скоро привыкнете. Метро удобнее, быстрее и надежнее. А главное, метро — самый безопасный вид транспорта. Никаких пробок, никаких проблем с парковкой и расходов на бензин. И никаких вредных выхлопов! А если вас смущает запах немытых тел — эта проблема легко разрешима. Достаточно, прежде чем спускаться в подземку, выкурить сигаретку. — Доктор подвигает Владимиру пачку. — А лучше — сигару. — Пододвигает коробку с сигарами.

— Но я некурящий.

— Ничего, голубчик, закурите. Кстати, при выходе из метрополитена тоже неплохо подзарядиться никотинчиком. Снимает, знаете ли, раздражение и все такое. Между прочим, вы в курсе, что курильщики практически никогда не страдают старче-

скими недугами, вроде деменции, болезней Альцгеймера или Паркинсона, ну и тому подобного?

— Нет, — растерянно мотает головой Владимир, — я этого не знал.

— Вот! — Доктор значительно поднимает палец. И с хитрой усмешкой добавляет: — Теперь будете знать. Научный факт... Ну, ступайте, ступайте. Да, и если вас не затруднит, голубчик, попросите там следующего, чтобы заходил.

— Спасибо вам, доктор, огромное!

Владимир встает, но у двери внезапно оборачивается и робко спрашивает:

— А если я... если я куплю электромобиль?

— Не советую! Во-первых, так вы никогда не избавитесь от зависимости. Это будет лишь очередная подмена, обманка. Вроде той же электронной сигареты. А во-вторых, Дума постановила распространить на личные электромобили общие ограничения и запреты. Потому как они — скрытая реклама бензиновых авто. Вот так вот!